

Прошрое воплощение. Стремясь заставить Юн Ци бросить Сяо Яньцзы и взять в жены Синь Жун, Благородная супруга Юй пригрозила покончить с собой, занеся над горлом кинжал, но в пылу эмоций едва не повесилась сама. Когда Сяо Яньцзы бросилась вперед, чтобы выхватить клинок из ее рук, она по неосторожности ранила саму себя и вот так бесславно погибла.

Глава первая. Благородная супруга Юй угрожает смертью

Лунное сияние стояло тихое и безмятежное, словно острое лезвие, разрезавшее тяжелую, застывшую ночную тьму Запретного города.

Однако свечи во Дворце Юнхэ горели ослепительно ярко.

Благородная супруга Юй стояла перед Юн Ци, но сейчас она походила не на прежнюю мягкую и нежную матушку, а на раскалывающуюся фарфоровую статуэтку, в каждой трещине которой читалось отчаянное, самоубийственное упорство.

— Если ты не женишься на Синь Жун, — ее голос прозвучал очень тихо, словно долетая издалека, но был полон непреклонной решимости умереть, — я не доживу до рассвета.

Юн Ци тут же рухнул на колени, его колени с глухим стуком ударились о пол. Выпрямив спину, он взмолился перед стоявшей перед ним Благородной супругой Юй:

— Матушка, вы же знаете, что в моем сердце есть лишь Сяо Яньцзы! Если вы заставите меня жениться на другой, вы не только сломаете ей жизнь, но и разрушите всю мою судьбу.

— Сяо Яньцзы? — Благородная супруга Юй вдруг рассмеялась, и этот смех прозвучал сухо, будто сухие листья, растертые в пыль. — Да эта Сяо Яньцзы — сущая напасть! Что она может тебе дать? Что она способна принести в твою жизнь? Синь Жун — вот кто ровни тебе по происхождению, кто станет твоей опорой и поможет тебе спокойно взойти на этот престол!

Внезапно она резким движением вытащила из рукава короткий и острый серебряный кинжал — его лезвие было тонким и отражало ее внезапно успокоившееся лицо.

— Юн Ци, взгляни хорошенько. — Она приставила острие к собственной шее, и ее рука не дрогнула ни на единый миг. — Это не угроза, это выбор. Либо ты соглашаешься на этот брак, либо... пусть кровь твоей матушки станет знаменем, призывающим к битве за то, что ты зовешь любовью.

— Матушка! — Юн Ци попытался броситься вперед, но смертная тоска в ее глазах пригвоздила его к месту. — Матушка! Зачем вы обязательно хотите довести сына до такого?! Мое сердце давным-давно отдано Сяо Яньцзы, в нем больше нет места для других. Женильба на Синь Жун — это гибель для нее, это предательство по отношению к Сяо Яньцзы и медленная мучительная смерть для меня самого! Умоляю вас, опустите нож, давайте поговорим обо всем спокойно... — Его голос осип, полный кровавых слез и мольбы.

Ему случалось видеть жизнь и смерть на поле брани, но он еще никогда не испытывал такого ужаса, как сейчас, — ужаса перед тем, что мать столь страшным, жестоким способом превращает собственную жизнь в цепь, сковывающую его по рукам и ногам.

— Поговорить спокойно? О чем тут еще говорить! — Слезы градом катились по лицу Благородной супруги Юй, ее запястье слегка подрагивало, и лезвие уже оставило на коже

тонкий красный порез. — Синь Жун благонравна и добродетельна, только она достойна стать твоей главной фуцзинь, которая поможет тебе! Что, кроме неприятностей и бед на твою голову, может дать тебе Сяо Яньцзы? Матушка и так не пользуется милостью в императорском дворе, и лишь ты — моя единственная надежда. Если мне суждено увидеть, как ты берешь в жены эту Сяо Яньцзы, так не лучше ли мне уйти из жизни первой!

Благородная супруга Юй была доведена до предельного иступления, ее рука, сжимавшая клинок, резко напряглась — казалось, еще мгновение, и она полорет горло!

— Не надо! —

Сяо Яньцзы, которая тайком последовала за Юн Ци, переживая за него, стала свидетельницей этой ужасающей сцены, и в ее голове мгновенно стало абсолютно пусто.

Она уже ничего не замечала. Подобно мотыльку, летящему на огонь, она изо всех сил бросилась вперед и обеими руками вцепилась в запястье Благородной супруги Юй, пытаясь выхватить оружие.

— Благородная супруга Юй! Не делайте глупостей! Отдайте мне нож!

— Сяо Яньцзы? Отпусти! — охваченная испугом и гневом Благородная супруга Юй принялась яростно сопротивляться.

— Сяо Яньцзы! Опасно! Уходи оттуда! — сердце Юн Ци едва не расколосось пополам, он вскочил на ноги, собираясь броситься вперед и разнять их.

Все произошло в доли секунды.

В ходе борьбы острый кинжал бешено метался и дергался в их руках.

Сяо Яньцзы думала лишь о том, чтобы отвести острие от шеи Благородной супруги Юй, и вложила в это движение все свои силы.

В самый разгар борьбы Благородная супруга Юй резко взмахнула рукой, пытаясь освободиться, а Сяо Яньцзы подалась вперед, стараясь удержать ее —

Раздался тихий звук — чик, — совсем не громкий, но от него весь шум вокруг мгновенно замер и погрузился в мертвую тишину.

Кинжал, изначально нацеленный на Благородную супругу Юй, большей частью своего лезвия вошел в левую сторону груди Сяо Яньцзы, близко к сердцу.

Время будто застыло.

Тело Сяо Яньцзы резко оцепенело, сила, с которой она удерживала нож, мгновенно испарилась. Она опустила голову и с каким-то растерянным видом посмотрела на свою грудь, где стремительно расплывалось ослепительно алое пятно. Оно до боли напоминало ее любимые цветы граната, только эта краснота с пугающей быстротой забирала у нее все тепло.

— Сяо Яньцзы — ооо! — истошный вопль Юн Ци едва не сорвался на визг. Одним громадным прыжком он оказался рядом и успел подхватить Сяо Яньцзы прежде, чем она безвольно осела на пол.

Благородная супруга Юй уже давным-давно лишилась чувств от ужаса. Кинжал выпал из ее

рук, она попятилась, глядя на собственные испачканные кровью ладони, а затем на Сяо Яньцзы, которая таяла в объятиях Юн Ци, теряя последние краски. Лицо женщины было мертвенно-бледным, губы дрожали, но она не могла вымолвить ни единого слова.

Юн Ци опустился на колени, крепко прижимая Сяо Яньцзы к груди. Его дрожащие руки пытались зажать рану, но теплая кровь никак не останавливалась, мгновенно пропитывая его ладони и рукава.

— Нет... нет! Сяо Яньцзы! Посмотри на меня! Посмотри на меня! — он говорил бессвязные слова, а крупные слезы падали на бледнеющее лицо девушки. — Лекаря! Живо позовите лекаря! Эй, кто-нибудь — ооо! —

Сяо Яньцзы чувствовала легкий холодок, перед глазами начало расплываться, но искаженное от ужаса и боли лицо Юн Ци виделось на удивление отчетливо. Ей хотелось поднять руку, коснуться его щеки, сказать ему, чтобы он не плакал, что ей совсем не больно, но силы покидали ее вместе с вытекающей кровью.

— Юн Ци... не вини... матушку... Мне так хочется спать... Я посплю, совсем немного... — Едва слышным шепотом, собрав последние крохи сил, она изобразила привычную, озорную, но уже призрачную улыбку.

Ее глаза постепенно тускнели. Она смотрела на Юн Ци, но казалось, будто сквозь него она вглядывается в какие-то далекие и свободные края. Эти глаза, вечно полные жизни и живого блеска, медленно, очень медленно закрылись.

Рука, державшая Юн Ци за воротник, безвольно соскользнула.

— Сяо Яньцзы? Сяо Яньцзы! Открой глаза! Посмотри на меня! Я обещаю тебе, я все тебе обещаю! Я не женусь на Синь Жун, мы уедем в Дали, пойдем смотреть на море цветов, будем жить так, как ты хочешь! Проснись же! Умоляю тебя, проснись — ооо! — Юн Ци безумно тряс безвольное тело, и его раздирающий душу плач эхом раненого зверя разносился по всему дворцу.

Однако тело в его объятиях с каждой секундой становилось все холоднее, а та живость, что согревала весь его мир, тихо угасала.

А Благородная супруга Юй, ошеломленно замершая в стороне, тупо смотрела на происходящее. На ее лице больше не было и следа бывшего отчаянного упорства — остались лишь безграничный страх, раскаяние и пустота.

Она угрожала смертью, но в итоге по воле злого рока навсегда лишила сына единственного света в его жизни.

Сяо Яньцзы чувствовала себя легкой-легкой, словно пушинка, что выплыла из этого причиняющего столько боли и холода тела.

Ей стало любопытно, и она опустила голову: вот Юн Ци, который отчаянно прижимает к себе ее собственное тело и горько рыдает, сидя на полу; вот Отец-Император, спотыкаясь, вбегает в покои; вот Цзы Вэй заходится в безутешном плаче... Странно, ей больше не было больно, а давящая тоска в груди казалась окутанной туманом — далекой и приглушенной.

Она попыталась окликнуть: Юн Ци! Цзы Вэй! Отец-Император! — но ее никто не услышал.

В отчаянии она попыталась ухватить Цзы Вэй за руку, но ее ладонь беспрепятственно прошла сквозь тело подруги.

Ах, она все поняла.

Как сказывалось в театральных пьесах, она превратилась в душу-призрака.

Она парила рядом с Юн Ци, наблюдая, как свет в его глазах постепенно гаснет, превращаясь в дно сухой колодезной шахты. Она слышала его хриплый шепот: Это я во всем виноват... Это я ни на что не годен... Сначала ее переполняло лишь глухое несогласие и тревога.

Но когда она увидела, как Цяньлун дрожащими руками бережно и мягко закрывает глаза «ей» и произносит потрясенным, исполненным невыносимой боли голосом: Моя отрада... ушла, — она внезапно замерла.

Оказывается, Отец-Император так сильно горевал.

Она видела, как потерявшая рассудок от горя Цзы Вэй вернулась в обитель Шуфан.

Цзиньсо, Минъюэ и Цайся горько плакали вповалку.

Цзы Вэй не роняла слез и ничего не говорила, лишь прижимала к груди вышитую ими наполовину наволочку с узором из уточек-мандаринок, глядя ее снова и снова.

Эр Кан неотступно находился рядом, его глаза покраснели, но он изо всех сил держался в руках, распорядясь похоронами.

Сяо Яньцзы видела, как среди ночи Цзы Вэй пробуждалась от кошмара и выкрикивала: Сяо Яньцзы, ты ведь хочешь есть?, а затем безучастно проливала слезы, глядя в пустую комнату.

Ощущение кислой тяжести в груди призрака стало еще отчетливее.

Она подумала: оказывается, я была так нужна людям, и меня так глубоко любили.

Глава вторая. Сяо Яньцзы теряет надежду

Она поплыла во Дворец Яньси.

Наложница Лин проливала слезы над кривобоким кисетом, который та ей подарила, и говорила Ламей: Сяо Яньцзы — ребенок чище и искреннее всех на свете, ее душа полна тепла. Сколько здесь, во дворце, коварных расчетов, и лишь она одна была чиста, как облако... Но почему же, почему ее не удалось уберечь? В ее голосе не было привычной дворцовой осторожности — лишь чистая, горькая скорбь.

У Сяо Яньцзы зацепало в носу: оказывается, наложница Лин искренне любила ее.

Во Дворце Цынин Старая Будда сидела с закрытыми глазами, перебирая четки, но ее пальцы слегка подрагивали. Циньэр с покрасневшими глазами молча массирует ноги Вдовствующей императрице.

— Циньэр... — вдруг заговорила Старая Будда охрипшим голосом. — Неужели я... была права? Мне всегда казалось, что она ведет себя неподобающе, я боялась, что она собьет Юн

Ци с верного пути, испортит нравы дворца. Но теперь ее нет, и почему во дворце... вдруг стало так пусто и... безжизненно? — Она тяжело вздохнула. — Эта девчонка... когда она была здесь, мы вечно жили как на иголках, но ведь с ней было по-настоящему шумно, по-настоящему... живо.

Циньэр сглотнула подступивший к горлу ком:

— Старая Будда, Сяо Яньцзы... никогда не держала зла в сердце.

Сяо Яньцзы парила на балках молельни, прислушиваясь к этим словам. Внезапно она кое-что поняла: Старая Будда ненавидела не ее саму, а то, что она символизировала — нечто не поддающееся контролю.

А теперь эта неконтролируемость исчезла, принеся с собой не умиротворение, а лишь иную пустоту.

Няня Жун заливалась горячими слезами, а императрица молча сидела у окна, глядя на пролетающих на улице ласточек.

— Матушка... — Няня Жун протянула ей платок.

Императрица взяла его, но не стала вытирать слезы — позволила одной из них скатиться по щеке:

— Она вечно шла против меня, я наказывала ее, а она не покорялась; я отчитывала ее, а она огрызалась... Такая живая, такая полная сил. — Императрица прикрыла глаза. — И всё же она отважилась спасти... спасти эту Благородную супругу Юй, которая вечно смотрела на нее свысока. Всю свою жизнь я плела интриги, а в итоге оказалась менее мудрой и чистой в уходе из жизни, чем эта девчонка.

Сяо Яньцзы удивленно моргнула. Оказывается, даже императрица способна плакать по ней и... восхищаться ею?

Сяо Яньцзы казалось, что ее душа подобна семечку одуванчика, гонимому ветрами скорби по всему Запретному городу. Она начала понимать, что смерть, возможно, не конец, а лишь способ увидеть глубокую привязанность, которую она при жизни не успела разглядеть.

И когда ей показалось, что она уже испила до дна слезы всех окружающих, в это застывшее море горя ворвалась куда более яростная, безумная буря.

Какая-то фигура, разметав преграды, ворвалась в обитель Шуфан, где висели погребальные белые полотнища и звучали плачи по усопшей.

С ног до головы покрытый дорожной пылью, с обветренным на пограничных ветрах лицом, с темными кругами под глазами и потрескавшимися до крови губами — это был Эр Тай.

Эр Тай? Разве он не должен был находиться в далекой Монголии в качестве посланца Великой Цин?

— Где Сяо Яньцзы? Где она?! Скажите мне, где она?! — голос Эр Тай был хриплым и сорванным. Он вцепился в плечо евнуха с такой силой, что казалось, готов раздробить ему кости. Он совершенно утратил облик того утонченного, спокойного молодого господина из рода Фуча, который всегда улыбался с мягкой сдержанностью, а в его покрасневших глазах

читалось исступление на грани безумия.

Когда его взгляд наконец упал на тяжелый лакированный гроб, его словно лишили души.

Спотыкаясь, он оттолкнул тех, кто пытался его поддержать, и шаг за шагом, будто ступая по остриям ножей, припелся к гробу.

Эр Тай не рыдал во весь голос и ни у кого ничего не спрашивал.

Он просто с глухим стуком опустился на колени перед ледяным полом и кончиками пальцев — очень легко, едва касаясь — провел по краю крышки гроба, словно перед ним лежало хрупкое сокровище. Его плечи затряслись в неудержимой судороге, из горла вырвался задавленный, словно у загнанного в угол зверя, надломленный стоп. Он опустил лоб на дерево гроба и бился о него — раз за разом, и глухие удары отдавались в сердцах присутствовавших.

Парящая в воздухе Сяо Яньцзы замерла.

Горе Эр Тая отличалось от отчаяния Юн Ци и не походило на расколотую боль Цзы Вэй.

В нем таилось нечто... запоздалое, взрывное, смешанное с безграничным раскаянием и самобичеванием — такое мощное, что у ее души перехватило дыхание.

В этот миг в ее памяти отчетливо всплыли картины, на которые при жизни она не обращала внимания или лишь легкомысленно посмеивалась:

Как каждый раз, когда она натворит бед, Эр Тай всегда оказывался тем, кто первым придумывал, как все уладить, без устали выметая за ней мусор, глядя на нее с беспомощной, но неизменно ласковой улыбкой.

Как во время их с Юн Ци ссор, когда она пряталась в Императорском саду за фальшивыми скалами, дуясь в одиночестве, именно Эр Тай находил ее первым и протягивал сверток с еще теплыми сладостями, приговаривая: Не мучай себя понапрасну, Пятому принцу тоже несладко, прояви к нему чуть больше понимания.

Тогда она была занята лишь собственными обидами и даже не задумывалась, почему он всегда так безошибочно мог ее отыскать.

Во время истории с домогательствами принцессы Сайты, когда все вокруг сбились с ног от тревоги, именно Эр Тай выступил вперед и ценой самопожертвования принял на себя этот брак, способный перевернуть всю его жизнь.

Тогда она еще весело хлопала его по плечу со словами: Эр Тай, а ведь ты славный малый! Теперь же ей казалось, что она отчетливо видит те сложные, не поддающиеся расшифровке эмоции, что мелькали в глубине его глаз, когда он смотрел на нее в тот момент.

То не было простой товарищеской выручкой — там таилась тоска, отрешенность и тяжелая горечь человека, отдающего то, что дороже жизни.

Эр Тай дрожащими руками извлек из пазухи аккуратно завернутый сверток. Внутри лежала монгольская изогнутая сабля с теплым отливом металла, инкрустированная иноземными драгоценными камнями.

— Это я привез тебе... Ты вечно говорила, что дворцовое оружие красивое, но бесполезное, а

эта... сделана лучшими мастерами Монголии, совсем небольшая, можешь носить с собой для забавы... Разве эти камешки не похожи на цвет твоих глаз? На солнце они сверкают особенно ярко... — бормотал он, обращаясь к гробу, и бережно опустил подарок на жертвенный столик, словно она действительно могла его увидеть.

В этот момент в самых глубинах души Сяо Яньцзы пронеслась мощная волна трепета.

Она вдруг с кристальной ясностью осознала существование чувства, которого при жизни не замечала и на которое никогда не отвечала.

Эта любовь не пылала открытым пламенем, как страсть Юн Ци, в ней не было отеческого потакания императора и даже сестринской преданности Цзы Вэй.

Она была тихой, отступающей на второй план, терпеливой; это была тень, которая молча подстилала мягкие подушки у нее за спиной, боясь, что она оступится и ударится, пока сама она витало в облаках погони за собственной любовью.

Эр Тай любил ее едва ли не сильнее Юн Ци. Только выбрал неверный путь — предпочел уступить, отойти на позицию верного друга, глубоко запрятать трепет чувств под маской шуток и товарищеской поддержки.

Он думал, что впереди еще много времени, что когда она обретет счастье, он сможет отпустить ее.

Сяо Яньцзы внезапно осознала: если бы тогда Эр Тай не выбрал уступить; если бы тогда Эр Тай тоже смело признался в своих чувствах; если бы тогда она обернулась и заметила его сердце; если бы она выбрала Эр Тая...

Да, у Эр Тая не было столь грандиозных перспектив, как у Юн Ци, за ним не стояла жаждущая власти мать вроде Благородной супруги Юй. Будучи же самым доверенным и любимым императорским сыном, почему Юн Ци обязательно должен был сесть на этот трон, заставляя гарем делить его одного...

Душа Сяо Яньцзы скиталась еще долго — до тех пор, пока она воочию не увидела, как пустыня в глазах Юн Ци постепенно покрывается глубокой, непроницаемой усталостью и оцепенением.

В этой пустоте стало проступать нечто иное — обреченная, почти мертвенно-тихая покорность.

Назначение даты свадьбы, обмен дарами, свадебные обряды... Череда традиционных для императорского дома процедур продвигалась с непреклонной скоростью.

Дворец Цяньян украсили красными шелками и свадебными узорами, там закипела суэта.

Этот красный цвет прожигал душу Сяо Яньцзы насквозь.

Сяо Яньцзы смотрела, как люди бесконечным потоком снуют туда-сюда, проходя сквозь ее призрачное тело, но она была бессильна. Она видела, как живот Синь Жун становится все больше, как из павильонов Дворца Цяньян выбегает мальчик, которого все называют Мянью.

Оказывается... даже самая пылкая страсть не выдерживает проверки несколькими годами. Боль? Нет, Сяо Яньцзы, казалось, онемела. Словно бесчувственная кукла, она перешла от безутешных слез к холодному наблюдению за этой чужой семьей из трех человек.

Она видела также, как Бенджамин в одиночку вернулся на родину; как Цзиньсо и Лю Цин родили ребенка; как Цзы Вэй вышла замуж за Эр Кана и родила сынишку Дунэр; как Циньэр вместе с братом улетела далеко-далеко, оставив после себя нескольких детей — все казались невероятно счастливыми.

Глава третья. Сяо Яньцзы возрождается

Только Эр Тай упорно отказывался возвращаться во Внутреннюю Монголию. Он охранял ее поминальную табличку, топя горе в вине, заброшенный и сломленный.

Глядя на его заросшее щетиной лицо, Сяо Яньцзы только попыталась протянуть руку, чтобы коснуться щеки Эр Тая: Эр Тай, ты глупышка... — желая смахнуть с его лица слезы, но ее пальцы прошли сквозь кожу впустую.

Это щемящее чувство боли Сяо Яньцзы поначалу приняла за тоску по Эр Тай, но прижав ладонь к собственной груди, обнаружила, что боль идет вовсе не оттуда — жгучее, полыхающее пламенем ощущение поднималось снизу, от самых ягодиц, и раскаленной волной ударяло в голову.

Она словно рассыпалась на части...

Боль?!!

Раздирающее жжение от ударов деревянными палками взорвалось на ягодицах, поднимаясь вдоль позвоночника прямо к макушке.

— Пятнадцать! Шестнадцать! Семнадцать! — под пронзительный голос евнуха порядковые номера эхом отдавались в ушах, смешиваясь с глухим стуком досок о плоть.

Сяо Яньцзы плашмя прижали к длинной лавке, холодный пот ручьями стекал по ее телу, а перед глазами плясали искры.

Она до крови закусила губу, чувствуя во рту металлический привкус, но упорно отказывалась издавать хоть звуки мольбы.

Над ухом раздавался холодный голос няни Жун:

— Принцесса Хуаньчжу, дворцовые правила существуют не для того, чтобы вы своевольчали и пренебрегали учебой! Старая служанка исполняет приказ императрицы обучить вас этикету. Раз вы не желаете учиться да еще и дерзите Ее Величеству, соблаговолите сполна испить эту чашу!

Это что??? Голос няни Жун? Учиться этикету?

Хаотичные обрывки воспоминаний безумным потоком сталкивались друг с другом в череде нестерпимой боли.

— Подождите-ка, разве она не погибла по ошибке, пытаясь отнять нож у Благородной супруги Юй?

— Плач Цзы Вэй, дрожащие руки Отца-Императора... и пыль Монголии на одеждах Эр Тая, вернувшегося в столицу в полном отчаянии...

— Она превратилась в призрак, испила слезы каждого, познала боль Эр Тая, а затем...

— Восемнадцать! — последовал новый тяжелый удар.

— Ах — ах! — Сяо Яньцзы больше не смогла сдержать стона.

Эта боль, однако, сработала словно ключ, с грохотом сорвав заслонку с памяти.

Это не сон — она до боли отчетливо чувствовала физические страдания своего тела.

Если это не сон, неужели все виденное ею было сном?

Ее побратимство с Цзы Вэй, любовь с Юн Ци, придирки императрицы, строгий взгляд Старой Будды, угрозы Благородной супруги Юй, появление принцессы Сайты, отъезд Эр Тая... и наконец, тот ледяной клинок — все, абсолютно все хлынуло в ее сознание мощным потоком, слившись в единое целое с переживаемой сейчас болью, унижением и гневом.

Она вернулась!

Вернулась в тот самый день, когда она отказалась послушно зубрить невыносимо сложные дворцовые правила, дерзила императрице, устроила в Куньнине кавардак, дала императрице повод за себя зацепиться, после чего та приказала высечь ее тридцатью ударами палок для острастки.

<http://bllate.org/book/22027/2290095>